

Живая тектоника

(Окончание. Начало на 7—9-й стр.)

предлагал «Историю развития идей» в гидрогеологии. Его авторитет был бесспорен, поскольку его все знали, в том числе и производственники, с которыми он часто вместе работал. Благодаря Пиннекеру во многих вузах появились кафедры по гидрогеологии: в Иркутске, во Владивостоке и в других городах. А раньше их не было. Школа Пиннекера, вне всякого сомнения, была в гидрогеологии самой заметной. И после его смерти она продолжала развивать идеи Евгения Викторовича. Например, по направлению, которое формулируется так: вода — порода. А второе направление относилось к минеральным водам, то есть к тем, которые имеют прикладной, лечебный эффект. Конечно, от школы Пиннекера многие и многие отпочковались. Успешно работают в этих направлениях в Томске, в Монголии сформировалась своя национальная научная школа по гидрогеологии. Там уже два своих доктора наук. А кандидатов наук, естественно, гораздо больше. Два дня назад одна из монгольских аспиранток уехала от нас домой ... из-за ангины. Заканчивает работу над диссертацией.

Школа должна иметь рыцарей...

...или Еще один комментарий академика Летникова

— Вспоминая Пиннекера, с которым мы вместе работали многие десятилетия, нельзя не сказать, что стать лидером научного направления из Иркутска очень трудно. Это некий феномен. А Евгению Викторовичу удалось. Такое редко случается без высокого интеллекта и свойств, которые характерны лидерам. В науке борьба за лидерство — это борьба интеллектов. Пиннекер побеждал везде — в Москве, в Питере, в Новосибирске. По знанию истории, особенно Европы и Сибири, он во многом напоминал Флоренсова. Разговор с ним доставлял удовольствие. Беседа с ним напоминала пиршество ума. Обидно, когда таких людей забывают. Недавно я получил из Санкт-Петербурга проспект по готовящемуся к печати семитомнику по гидрогеологии. И в списке рекомендуемой литературы нет ни одной работы Пиннекера. В основном москвичи и питерцы. Меня это просто возмутило. Я им высказал все, что думал по этому поводу. Тем более, что сам Пиннекер,

когда был жив, приглашал этих столичных ученых, ссылаясь на их работы в своих трудах, высылал их, а в ответ получил... забвение. Вывод простой: научная школа должна иметь рыцарей, которые бы ее защищали.

...Размышляя над «еще одним комментарием», вспомнил письмо, полученное недавно. В нем спрашивали у меня, почему на периферии все заметнее не любят москвичей. Ответ дал академик Летников. Не любят за беспардонность, за надменность, за наглую самоуверенность. Конечно, это не относится ко всем москви-

Член-корреспондент АН СССР Михаил Михайлович Одинцов.

чам и питерцам. Но относится к очень многим. И число столичных нагловцев постоянно растет.

Доктор наук Кирилл Георгиевич Леви продолжил рассказ о тех ученых, которые заслуживали уважения в любой столице. Не говоря уже о провинции, гораздо более чуткой к талантливым людям.

Союз единомышленников

— Научная школа, — говорил он не совсем в тон тому, что слышалось до него, — это союз единомышленников. Начинается все с какого-то кристаллизатора, яркого исследователя, вокруг которого группируется молодежь. Она постепенно растет и развивается и тоже «обрастает» молодежью, но уже другой. Это своеобразная пирамида.

Вторая особенность здоровой научной школы — развитие различных направлений. Такими кристаллизаторами были Флоренсов, Логачев, Одинцов и Солоненко. Школа должна живо реагировать и на события жизни. Новое направление по сейсмодетектике появилось у нас после страшного землетрясения в 1957 году в Гоби-Алтайском регионе. Логачев, только что закончивший вуз, примкнул к этой школе. Образовалось крепкое научное ядро. К это-

му ядру присоединилась группа сейсмологов Андрея Алексеевича Трескова.

Появился мощный монолит ученых, от которых «пошли» новые направления в науке. Из геоморфологии и геологии кайнозоя, заложенных Николаем Александровичем Флоренсовым, выделились не-

Член-корреспондент АН СССР Николай Александрович Флоренсов.

Член-корреспондент АН СССР Виктор Прокопьевич Солоненко.

тектоника, сейсмогеология и вулканология. Последняя, условно сохраняясь, переродилась, в хорошем смысле этого слова, в радиологические исследования горных пород мира. От этого же монолита, отколовшись, появилась лаборатория тектонофизики, которую возглавляет сегодня Шерман.

Из лаборатории Солоненко сейсмодетектики и сейсмогеологии вышла лаборатория инженерной сейсмологии. Затем она соединилась с лабораторией общей сейсмологии. К сейсмологическому направлению подключилось еще одно, совершенно новое — сейсмостойкое строительство. На этом направлении работает уже большая группа ученых, порядка 80-ти человек. И работают они совместно. Это единая технологическая цепочка, в которой данные сейсмостанций, последовательно преобразуясь, получают выход на совершенно конкретные рекомендации по сейсмостойкому строительству, разрабатываются и подходы к прогнозу возможных землетрясений.

А начиналось все с тех ученых, о которых мы в нашей беседе с самого начала и говорим.

Закончив свое выступление, Кирилл Георгиевич подарил мне толстую книгу с перечнем «волнений» в земной коре и соизюме Сибири аж за пятьсот лет.

В Москве такого не бывает

Доктор наук Александр Ильич Киселев — представитель сразу двух научных школ — академик Летников и Логачева.

— Впрочем, и Флоренсова, — добавил он, — потому что Николай Александрович был моим научным руководителем

Член-корреспондент РАН Евгений Викторович Пиннекер.

Академик Николай Александрович Логачев.

в аспирантуре. Мне очень хочется тоже о нем вспомнить в связи с возникшим здесь разговором об эстетике. Был один казус. Когда я принес ему свою кандидатскую диссертацию, он ее прочел и вдруг меланхолично и без иронии процитировал медленно: «Мезозойский вулканизм западного Забайкалья...». Посмотрел на меня и сказал: «Что это за звук в залоушке жужжащей пчелы?! А можно ли сформулировать благозвучнее?» Мы поговорили и «звука жужжащей пчелы» стало меньше.

Вспоминаю и терпимость

Логачева. Особенно во время развала страны и науки. Когда вместе с ним поехали на симпозиум в Швейцарию, где мы выступали с Анатолием Поповым с докладом по глубинной геодинамике и петрологии байкальской рифтовой зоны. Там же выступали с докладом Логачев и Зорин. После доклада ко мне подошел известный ученый, доктор наук из Москвы и сказал:

«Странно, что из одного института выступали на международном симпозиуме с двумя противоположными по своей идеологии докладами. Вы что, договориться не могли? У нас в Москве такого никогда не бывает. Не допускается».

Пришлось ему сказать, что у нас бывает.

Встречу завершил директор института Евгений Викторович Скляр. И завершил весьма неожиданно.

— Я сознательно, — признался он, — оставил себя на финал. Потому что в этом институте работаю меньше всех присутствующих. А речь идет о научных школах и их основателях, большинство из которых я не знал. Да и руководжу я научной школой очень молодой. И по большому счету она отпочковалась от школы Николая Леонтьевича Добрецова. С ним начинал работать в лаборатории в Новосибирске, с ним вместе уехал в Улан-Удэ, а дальше наши пути разошлись. Он вернулся в Новосибирск, а я прикипел к Иркутску. Признаюсь, он год со мной не разговаривал, когда я уехал в Иркутск. Но работаю на направлении, которое возглавляет академик Добрецов.

И окончательная реплика академика Летникова:

— Насколько я знаю, наш директор — любимый ученик Николая Леонтьевича.

Но на этом завершать беседу не буду. Интереснее будет закончить ее юношеским стихотворением Михаила Михайловича Одинцова.

Как ярко светит солнце!
Как в блеске тонет взор!
Скажите, есть на свете
Еще такой простор?
Что сосен тех красивей
С хрустальной

их каймой,
И тальника, и ивы
В низинке над рекой?
И мы, как эти ивы,
И мы, как этот снег.
Для нас реки извивы
И солнца быстрый бег.
Для нас зеркальность
пруда

И сосен черных тень...
Для нас всегда и всюду
Незаходящий день!
Все-таки геологи —
народ замечательный,
мажорный. Для них даже
дни «не заходят».